

del Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche. – Trento, 1995. – С.71-76.

Писарев, Д.И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т.5: Статьи 1863–1864 (январь–март). – М.: Наука, 2002. – 552 с.

Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым: [В 2 т.]. Т. 1: Кн. 1, 2, 3, 4 / 3-е изд. – СПб., 1841. С.79.

Творчество: Иллюстрированный журнал литературы, искусства, науки и жизни. – 1919. № 4–5, апрель–май.

А.Ф. Белоусов
Санкт-Петербург

ЧАСОВЕНКА В ПАМЯТЬ «УСЕКНОВЕНИЯ ГЛАВЫ»

Обсуждается вопрос о цели строительства «часовенки» в романе Л. Добычина «Город Эн». Выбор делается в пользу объединения православного населения и отпора католицизму. Отмечается параллель между межконфессиональным конфликтом в романе и событиями в Польше ХУШ века, что свидетельствует о культурно-исторической многослойности «Города Эн».

Ключевые слова: часовня (часовенка), усекновение главы Иоанна Крестителя, поминовение православных воинов, межконфессиональный конфликт, историческая параллель.

A.F. Belousov
St. Petersburg

THE LITTLE CHAPEL IN MEMORY OF ST. JOHN THE BAPTIST' BEHEADING

The article discusses the motives underlying the erection of the little chapel by Widow A.L. Vagel in Leonid Dobychin's novel "The Town of N". It is posited that the idea behind this project is to unite the Russian Orthodox population of the township and confront Catholicism. The author

of the article points out the connection between the cross-confessional

conflict in the novel and the historical events of the 18th century Poland. Discovering this new parallel helps us realize the historical and cultural complexity of the novel.

Keywords: chapel, St. John the Baptist's beheading, cross-confessional conflict, commemoration of Russian Orthodox warriors, historical parallel.

Акушерка Александра Львовна Лей – один из главных персонажей «Города Эн».

В начале романа Александра Львовна выступает как ближайшая подруга матери добычинского героя. Однако их дружба постепенно слабеет, потому что «маман» предпочитает общаться с более именитыми и значительными по своему положению женщинами. Отдаляется и сама Александра Львовна, которая после возвращения с Русско-японской войны выходит замуж за доктора Вагеля. Ее семейная жизнь длится недолго, но, тем не менее, брак для А.Л. Вагель оказался весьма удачным: по билету покойного мужа она выигрывает двести тысяч в новогоднем тираже государственного займа.

Александра Львовна переселяется в местечко «Свента-Гура». Ей нравился тамошний воздух, и она рассчитывает, что будет жить в приличном обществе. Говоря о «приличном обществе», Александра Львовна имеет в виду владельцев местечка. Однако аристократы не желают знаться с выскочкой: когда «А.Л. посетила “палац”», графиня даже «не согласилась к ней выйти» [Добычин, 2013, с. 158].

Обиженная А.Л. Вагель воспринимает случившееся как оскорбление и унижение всего православного народа. В ответ она «собирается основать в Свентой-Гуре <...> православное братство и бороться с католиками» [Добычин, 2013, с. 158], которые являются владельцами местечка. Агитируя «свентогурских чиновников, пенсионеров и дачников, А.Л. кормила их и толковала про “объединение” и про “отпор”» [Добычин, 2013, с. 158].

Одновременно с этим Александра Львовна «строит при въезде в местечко часовенку в память “усекновения главы” Иоанна Крестителя [Добычин, 2013, с. 158].

«Когда это было готово, А.Л. показала нам это. Она посадила нас в автомобиль, и он живо доставил нас. Низенькая, эта

часовня украшена была золоченой “главой” в форме миски для супа. А.Л. научила нас, как рассматривать живопись через кулак. Мы увидели Ирода, перед которым, уперев в бока руки, плясала его толстощекая падчерица. Я подумал, что так, может быть, перед отчимом танцевала когда-то Софи. Голова Иоанна Крестителя лежала на скатерти среди булок и чашек, а тело валялось в углу. Его шея в разрезе была темно-красная с беленькой точкой в середине. Кровь била дугой» [Добычин, 2013, с. 158].

В связи с этой часовенкой встает вопрос, имеет ли ее строительство отношение к межконфессиональному конфликту в Святой-Гуре?

Ответ на него требует выхода за пределы романа.

Начнем с реальной основы «Города Эн».

Александра Львовна Лей имеет прототип. Её образ восходит к уездной акушерке Александре Петровне Хегстрём [Белоусов, 2004]. Однако ко времени, о котором идет речь в данном эпизоде романа, литературная биография героини совсем разошлась с реальной жизнью А.П. Воскресенской (урождённой Хегстрём) и носит уже целиком вымышленный характер. А.П. Воскресенская не переселялась в Креславку, которая в «Городе Эн» именуется «Святой-Гурой», и не строила там часовенку. Мы вообще не располагаем сведениями о существовании в Креславке часовенки в память об усекновении главы Иоанна Крестителя.

Другое дело – литературное творчество Добычина.

Обратимся к его раннему рассказу «Евдокия». В нем изображается некое «местечко», в котором без труда угадывается Креславка. Здесь многое предсказывает свенто-гурские эпизоды «Города Эн». Однако главное для нас сейчас – это наличие в «Евдокии» той же часовенки. Вначале она упоминается при изображении места действия:

«Позади местечка была еще гора, голая, поросшая одною травой, и на ней – расписная часовня» [Добычин, 2013, с. 336],
а затем, уже ближе к концу рассказа дается более подробное ее описание:

«Каждый день она <главная героиня рассказа Катерина Александровна. – А.Б.> после обеда взбиралась на гору, поросшую

твёрдой травой с желтыми цветами, и бродила перед расписной часовней. Ирод закусывал с гостями... перерезанная шея святого Иоанна была внутри красная с белыми кружочками, как колбаса, нарисованная Цыперовичем над трактирной дверью» [Добычин, 2013, с. 346].

Отличия от «Города Эн» бросаются в глаза: в росписи часовни не отмечена «толстощекая падчерица» Ирода, и даже сама часовня располагается не при въезде в местечко, а на горе, позади него. Между тем гораздо важнее, что в рассказе отсутствует какая бы то ни было связь часовни с межконфессиональным конфликтом, который разворачивается по тому же сценарию и даже усугубляется «шкандалом» с доктором Рабе. Характерно, что часовенка не привлекает никакого внимания председателя городского братства святого Александра Невского, который приехал пожелать Катерине Александровне победы в борьбе с иезуитскими происками.

Это произойдет только после переработки рассказа для публикации в «Русском современнике», чем Добычин занимался осенью 1924 года¹:

Шли вдоль речки. Пахло клевером. – Часовня, – обрадовался Горохов, – Иоанн Креститель! Вот вам и название: братство святого Иоанна [Добычин, 2013, с. 425].

Однако Катерину Александровну это уже не интересует. Она лишь замечает: – Оттуда недурной вид [Добычин, 2013, с. 425], – мечтая по-прежнему о дружбе с графиней Анной.

Остальные персонажи рассказа озабочены совсем другой проблемой. Все ждут объявления войны.

В отличие от романа «Город Эн» действие рассказа «Евдокия», получившего после переработки название «Старухи в местечке», приурочено к кануну Первой мировой войны.

---

¹ См. статью В.Н. Сажина в настоящем сборнике.

Вместе с тем в рассказе есть эпизод, который отстает от фактической хронологии событий местной истории. Это – открытие памятника, построенного, как сказано в «Евдокии», «в воспоминание о посещении города великим князем» [Добычин, 2013, с. 348]. Описывается открытие реального памятника, состоявшееся 30 июля

1913 года¹. Военный парад, в котором были задействованы все полки размещавшейся с 1872 года в Двинске 25-й пехотной дивизии, воспринимается под знаком надвигающейся войны с ее многочисленными жертвами и катастрофическими последствиями.

Отметим, что судьба большинства участников этого парада была печальна. Войска 25-й пехотной дивизии не раз терпели поражения. Самым тяжелым из них стала «жуткая» или «кровавая драма», как называли современники неудачное наступление, предпринятое Западным фронтом в районе белорусского озера Нарочь в марте 1916 года. «Конечно, её <25-ю дивизию. – А.Б.> – вспоминал один из принимавших в нем участие, – вновь восстановили, но в рядах её почти не осталось никого из тех, кого так тепло и в то же время с грустью провожал Двинск в июльские дни 1914 года»².

Изображая открытие памятника, Добычин не только сдвинул его во времени, но и умолчал о том, что памятник должен был напомнить о посещении города императором Николаем II, которого сопровождал великий князь Михаил Александрович³. Его установили на месте лагерного сбора, где 29 октября 1904 года Николай II

---

¹ Ср.: Открытие памятника, сооруженного на месте пребывания Государя Императора в 1904 г. // Двинский листок. 1913. 1 августа, №174. С.2-3.

² *С<авков>ъ Н.* В потоках крови. Памяти 25-й пехотной дивизии. (Из воспоминаний участника боев // Двинский голос. 1926. 22 марг., №23 (57). С.2-3. О наступлении, предпринятом в районе озера Нарочь в марте 1916 года, см.: *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны. М., 1938.

³ Великий князь Михаил Александрович (1878 – 1918, расстрелян) – младший брат императора Николая II, в пользу которого тот 2 (15) марта 1917 года отрёкся от престола.

произвел смотр войскам Двинского гарнизона и благословил их в поход на Дальний Восток¹.

Важно не столько само присутствие царя, сколько причина его приезда в Двинск. Выявляется тема Русско-японской войны 1904-1905 годов, к которой Добычин вернется в «Городе Эн». Отправившиеся на Дальний Восток войска участвовали в самой кровопролитной битве этой войны – в боях под Мукденом, которые привели к многочисленным жертвам среди солдат и офицеров 25-й пехотной дивизии.

Внимание к потерям, которые нёс Двинский гарнизон в войнах начала XX века объясняется тем, что ко дню Усекновения главы святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, которое отмечается 29 августа (по старому стилю), русская православная церковь приурочивает поминовение воинов, «за веру и Отечество во брани убиенных». Поминовение было установлено указом императрицы Екатерины II от 17 августа 1769 года.

Если учесть, что в рассказе часовенка упоминается ещё до того, как разгорается межконфессиональный конфликт, то есть все основания полагать, что ее появление связано с поминовением воинов, служивших здесь, о чем свидетельствует памятник на местном кладбище «с портретом старичка в медалях и эполетах» [Добычин, 2013, с. 337]. Это не противоречит и реалиям Креславки, где в конце XIX – начале XX века квартировали различные воинские части.

В то же время для поминовения воинов, «за веру и Отечество во брани убиенных», вовсе не обязательно было строить часовню по месту их службы. Исходя из этого, можно предположить, что и «часовенка» в «Городе Эн» посвящена памяти доктора Вагеля и других жертв Русско-японской войны.

Однако есть у этой часовенки особенности, которые противоречат нашему предположению.

Во-первых, она изначально была задействована в межконфессиональном конфликте. Дело в том, что в отличие от раннего рассказа Добычина она не возвышается над местечком, а построена при въезде в него. Ее расположение обычно для русской

---

¹ См.: Пребывание Государя Императора в Двинске // Двинский листок. 1904. 3 ноябр., №472. С.1-2.

деревни, но не для местечка западной российской губернии, принадлежавшего польским магнатам. Освятив часовню, строитель освящал и само место, бросая тем самым вызов его владельцам.

Во-вторых, появление на фреске перед Иродом его пляшущей «толстошекой падчерицы», по требованию которой был обезглавлен Иоанн Креститель, напоминает о существенной разнице между пострадавшим за истину Иоанном Крестителем и воинами, «живот свой за веру и отечество» положившими.

Мы полагаем, что строительство «часовенки» в «Городе Эн», скорее всего, связано с межконфессиональным конфликтом в Свентой-Гуре.

Этот вывод поддерживается и параллелью между борьбой А.Л. Вагель с католиками и событиями XVIII века. Она возникает в связи с присутствием среди гостей, с которыми А.Л. толкует «про

“объединение” и про “отпор”» [Добычин, 2013, с. 159], почтмейстера Репнина. Александр Данилович Репнин (1859 или 1861 – ?), действительно, с 1904 по 1911 год заведовал Двинским городским почтовым отделением, располагавшимся неподалеку от дома, где жили Добычины, и явно был им хорошо знаком. Однако он едва ли бывал в Креславке. Добычину просто понадобилась его фамилия, которую носил и известный деятель Екатерининской эпохи, князь Николай Васильевич Репнин (1734 – 1801), с 1763 по 1769 год бывший послом в Польше, где он энергично отстаивал русские интересы и добился равноправия православных с католиками. Герой Добычина ведет себя, как его однофамилец: « – Гимн, – крикнул почтмейстер Репнин» [Добычин, 2013, с. 159].

Отсылки к литературе, которыми столь богат «Город Эн», далеко не исчерпывают всех его связей с культурой прошлого. Как мы стремились показать, есть основания присмотреться и к историческим параллелям романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белоусов, А.Ф. «Вскоре мы увиделись и с Александрю Львовной...» / А.Ф. Белоусов // Добычинский сборник – 4. – Даугавпилс, 2004. – С. 249-257.

Добычин, Л.И. Полн. собр. соч. и писем. Изд. 2-е, испр., доп. / Л.И. Добычин. – СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга: Журн. «Звезда», 2013. – 540 с.